

УДК 1(091)

**ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И АНТИЧНОСТЬ
В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ
Н.И. КАРЕЕВА**

Д.С. Ревенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются взгляды выдающегося отечественного философа истории Н.И. Кареева (1850–1931), типологизировавшего общества Древнего Востока и Античности, применительно к общественному прогрессу, а также факторам, ему способствовавшим. Уделено внимание методам, использовавшимся мыслителем для изучения духовной культуры, властных отношений, роли личности в истории древних обществ.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, всемирная история, общественный прогресс, Древний Восток, Античность, жречество, христианство, духовная культура, философия, роль личности.

Выдающийся историк, социолог, педагог, первопроходец в деле становления отечественной политологии, философии истории, и целого ряда смежных научных дисциплин, Н.И. Кареев, оставивший богатейшее наследие научных работ для потомков, сегодня воспринимается как исследователь, во многом предопределивший развитие отечественной исторической и философской мысли.

Интерес к выстраиванию глобальной картины мировой истории, истории всех основных регионов мира в совокупности Н.И. Кареев пронёс через всю жизнь. Воззрения эти были развиты в целом ряде работ, некоторые из которых использованы при подготовке данной статьи. Среди них: «Введение в курс истории древнего мира» [3], «Главные обобщения всемирной истории» [4], «Государство-город античного мира» [5], «Монархии Древнего Востока и греко-римского мира» [6], «Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох» [7], «Основные вопросы философии истории» [8].

Задачей, которую сам Н.И. Кареев определял как «основную задачу философии истории», было изображение всемирно-исторического процесса с «некоторой общей точки зрения» [7, с. 14]. Представляется возможным взять данное утверждение за основу для анализа социально-культурной типологии обществ Древнего Востока и Античности, предложенной учёным.

Рассмотрение может быть предпринято путём выполнения ряда действий:

- выяснения ключевых особенностей обществ Древнего Востока (в частности, значения патриархальной общины, нередко выступающей в роли регулятора общественных отношений), как отправной точки в процессе складывания последующих культурно-исторических типов в цивилизационном развитии человечества;

- характеристики теории прогресса в отношении взаимодействия общества и культурной среды, сформулированной Н.И. Кареевым;
- характеристики духовной культуры обществ Древнего Востока и Античности;
- характеристики политической сферы жизни древних обществ.

В некоторых своих работах Н.И. Кареев аргументировано объясняет преэминентность культурно-политических центров, которые, согласно его трактовке, перемещались в различные регионы Востока, а впоследствии оказывали влияние на зарождающиеся очаги цивилизации. «Выход из национальной исключительности, которая характеризует жизнь Древнего Востока, – отмечал исследователь, подтверждая идею преэминентности, – совершился только на почве Европы под влиянием завоеваний Рима, переждённого греческой цивилизацией» [там же, с. 78].

В выстраивании научных теорий Н.И. Кареев стоит на позициях идеи закономерности в развитии всемирно-исторического процесса – «идея закономерности должна быть, конечно, прилагаема и к построению всемирно-исторического процесса, взятого в целом» [там же, с. 17]. Однако Кареев особо подчёркивает, что не человечество в глобальном отношении проходит поэтапно стадии рождения, отрочества, зрелости, и т. д., а каждый, взятый в отдельности исторический народ. То есть в истории, например, Античности, нужно говорить, что Античность – не юность человечества, а эпоха, которая прошла стадии развития от рождения до угасания, отмирания. Уподобляя этот процесс детям, способным продолжать дела своих родителей, учёный говорит о том, что история одних народов может восприниматься в контексте продолжения истории других.

Кареев считал, что древнейшие восточные цивилизации представлены тремя отдельными историческими мирами древности. На крайнем востоке Азии – Китай, на юге – Индия, а третий, совершенно автономный мир представляла собой юго-западная Азия с Египтом. Именно его, этот третий мир, Кареев именует Древним Востоком, «в более тесном смысле, где возникли самые ранние цивилизации и началась всемирная история» [там же]. Говоря о Юго-Восточной Азии, Кареев логично рассуждает, что «древность китайской и индийской культур сама по себе очень почтенная, не может, однако, идти в сравнение с тою незапамятною стариною, которая была свидетельницею зарождения исторической жизни в долине Нила и в области Тигра и Евфрата» [там же]. Действительно, трудно спорить с тем, что Египет и Месопотамия в качестве очагов зарождения рациональной человеческой жизни не уступают Юго-Восточной Азии в своей историко-культурной значимости для всемирной истории. Кареев считает отправной точкой исторического процесса соприкосновение и взаимодействие между собой двух основных древнейших народов – египтян и вавилоно-ассирийцев, (которые разделяла Сирия с проживавшими в ней финикийцами) и евреев, сыгравших важную роль в истории религиозного сознания человечества [там же]. То смешение и наслоение многих рас, проживавших в указанных выше регионах, дало историческую жизнь и первому европейскому народу – грекам [там же]. Со времени правления Александра Маке-

донского, и ещё позднее – в период существования Римской империи, Запад, представляющий собой Европу, и азиатский Восток составили, по мнению Кареева, уже один исторический мир, от которого всегда особняком стояли цивилизации Древнего Китая и Индии. Определённого рода застой в истории Китая и несущественность перемен, произошедших в Индии, преподносятся как аргументы в пользу этой точки зрения. Возможно, здесь Кареев в некотором роде пытается дать собственную трактовку теории «Абсолютного (всемирного) Духа» Гегеля [1]. Согласно ей, человеческая культура выступает как реализация Абсолютной идеи и имманентно присущей ей свободы. Абсолютная идея, по Гегелю, проходит восемь ступеней на пути к пониманию свободы. От Африки, Китая, Индии, и Востока – отдельно – до Египта, Греции, Рима и Европы. В европейской культуре, по мысли Гегеля, дух приходит к самопознанию, к истинному пониманию свободы [1]. Отношение Кареева к данной теории довольно чётко находит отражение в цитате: «О Гегеле и говорить нечего. Его философия истории имеет дело не с людьми, его интересует только конечный результат процесса. Везде у него “всемирный дух”, везде та мысль, что каждый народ должен застрять на низших ступенях... Гегелевский Дух только хитро играет с людьми: они живут, мыслят, чувствуют, желают, стремятся, действуют не для себя, а для самосознания “всемирного духа”, где бы оно ни совершилось» [8, с. 187].

Возможно, противопоставляя себя Гегелю и развивая свою идею закономерности исторического процесса, Кареев приходит к выводу о том, что «Всемирная история заключается во взаимодействии и преемственности наций» [7, с. 32], что, в сущности, отвечает процессам, которые имели место в развитии Древнего Востока (*появление и исчезновение народов, возвышение и падение царств, распространение и уничтожение целых культур*).

Для Кареева точкой отсчёта всемирной истории служит завоевание правителями египтян XVIII династии Сирии, приведшее к краху и падению Ассирии в VII в. до н. э. Ученый выделяет и главные периоды общей истории Востока. Довольно эфемерные, размытые хронологические границы, определяемые Кареевым для каждого временного отрезка, анализируются и в статье современных учёных Г.П. Мягкова и В.А. Филимонова, посвященной проблеме организации монархического управления в обществах древности [13]. В интерпретации этих исследователей целесообразно выделять полноценно три периода, вместо четырёх, согласно Карееву: *первый* – от вторжения египтян XVIII династии в Сирию до падения Ассирии в VII в. до н. э., *второй* – от падения Ассирии (VII в. до н. э., согласно Карееву – около 625 до н. э.) до начала македонских завоеваний на Востоке (334 г. до н. э.), *третий* же – по времени соответствовал подчинению Ближнего и Среднего Востока грекам и римлянам [13, с. 162]. Сам Кареев, как было сказано, выделяет четыре основных периода, первые два из которых идентичны заявленным в упомянутой статье, а третий в ней не приведён – он имеет временной охват «около 300 лет, с последней трети IV в. до Р. Х.» [7, с. 36] и имеет название мидо-персидский. А вот *четвёртым, ключевым периодом*, он считает «времена македонского завоевания Персидской мо-

нархии, образования на Востоке новых царств, в которых стала распространяться греческая образованность (*эллинизм*), и постепенного превращения всех этих царств на запад от Тигра в римские провинции – так до конца древней истории» [там же].

Обращаясь к вопросу о том, что же можно считать концом истории Древнего Востока, учёный даёт собственную трактовку периодизации истории данного культурного мира: «...обыкновенно рассмотрение истории Древнего Востока не доводится до греко-римского периода: её принято оканчивать либо около 500 года, т. е. доводить до греко-персидских войн, либо около 330 г., то есть до завоевания персидского царства Александром Македонским, отделяя таким образом историю Востока древнейшего от истории Востока в эпоху распространения греческой образованности и римского господства» [там же]. Кареевым принимается обоснованность воззрений историков по поводу окончания истории Востока на времени правления Ксеркса или Дария. Но вместе с тем его точка зрения заключается в том, что возвышение Греции, македонские завоевания, проложившие эллинизму путь на Восток, превращение ближневосточных царств в римские провинции не послужили в полной мере первопричиной для исчезновения прежних форм быта Востока и его культурной идентичности [там же]. Показательно в этом отношении утверждение о том, что уже в период разложения античной цивилизации Восток снова оказал сильное воздействие на греко-римский культурный мир, посредством «наплыва древних религиозных верований Азии и Египта в Европу» [там же]. Данное явление исследователь относит к предпосылкам распространения христианства в тогдашнем цивилизованном мире.

Именно становление, победу христианства над «эллинскою мудростью и над римскою государственною властью» [там же] Кареев считает полноценным концом не только Античного, классического мира, но и Древнего Востока, поскольку именно в язычестве, в различных языческих формах и проявлениях, в Европе периода греко-римского господства сохранялись исключительные черты национальной самобытности стран и народов [там же].

Анализируя развитие духовной культуры в глобальном смысле, Н.И. Кареев указывает, что в применении к каждому народу, культура включает в себя народные верования и воззрения, социальные знания и навыки, т. е. всё, что входит в понятия религии и морали, поэзии и искусства, философии и науки. Также важнейшим индикатором культурной идентичности народов является собственно язык [4, с. 94].

В отношении культурных институтов Древнего Востока Кареев мыслит следующим образом: чем успешнее развивается общество в культурном отношении, тем более не похожи между собой его представители, тем насыщеннее его жизнь; напротив, при культурной неразвитости – культурная жизнь народа цельнее и однороднее [там же]. Стимулом к разрыву в общем векторе социального развития выступает социальное и имущественное неравенство. На примере Древнего Египта можно увидеть, как с выделением жреческого сословия из народной массы нарушается и рели-

гиозное единство, унифицированное религиозное мировоззрение. Жрецы поэтапно приходят к отрыву от косных суеверий большей части социума, к «более возвышенным представлениям» [там же]. Уже в Древнем Египте народная и жреческая культуры между собой не совпадали. Это применимо и к другим народам Востока, а также к Греции, где философы находились в поиске нового мирозерцания, что в корне расходилось с бытовавшими там суевериями; аналогичные процессы проходили и в Риме, где народная масса в большинстве была носителем совсем иного религиозного сознания, чем интеллигенция, находящаяся под греческим влиянием [4, с. 95]. Кареев указывает на важное обстоятельство, определяющее суть развития обществ Древнего Востока, – в древних социумах, до возникновения философии и науки как порождений человеческого разума, главным выражением духовной культуры была религия, которая была религией в привычном сегодня понимании, и представляла замену и науки и философии. В свою очередь, подобная ситуация породила собой то, что единственным образованным социальным классом оказались религиозные служители, которые были первыми учёными и мыслителями. По мысли Кареева, духовная культура Древнего Востока в этом отношении служит ярким примером того, как человеческие общества могут обходиться без дуализма религиозного и светского начал. Восточные общества не знали, что собой представляет дуализм церкви и государства, теологии и философии, что было свойственно Западу, где эта двоякость существовала с превалированием религиозности. Религии народов Древнего Востока представляли собой синтез анимистических и фетишистических представлений, выраженных в политеизме. С прогрессом в религиозном мировосприятии Древнего Востока «зверообразные божества принимают с течением времени человеческий образ и делаются идеальными воплощениями тех человеческих качеств, которые особенно ценились людьми» [там же, с. 99]. Жрецы имели собственную политическую теорию, сводившуюся целиком к обоготворению власти фараонов. Задачами жреческого сословия были проведение богослужений и священных гаданий, помимо чего они занимались ещё систематизацией и переработкой религиозных верований, что привело к разрыву между жреческой и народной верой [6, с. 67].

Неоспоримый характер социального и политического притеснения восточных обществ ставится Н.И. Кареевым в один ряд с сакральным, жреческим характером проявлений духовной культуры в регионе [7, с. 53]. В труде «Монархии Древнего Востока и греко-римского мира» он вторит французскому египтологу Морэ, который в своей работе «О религиозном характере царской власти фараонов» [19], в свою очередь, солидаризируется с теорией авторитетного для Кареева Фюстель де Куланжа. Согласно ей, все учреждения классического города государства имели чисто религиозную основу [14; 17; 18]. Однако, в отличие от коллег, в трактовке власти фараона новаторством Кареева было утверждение, что религия была не основой всей его власти, как верховного правителя страны, а предоставляла только высшую, божественную санкцию власти. Египетский фараон – не только царь-жрец, жрец-бог, но и правитель государства с обязанностями

шире, чем военачальник и судья [6, с. 63]. Карееву это даёт основания полагать, что Египет можно считать государством, управлявшимся по началам бюрократической централизации [там же].

В продолжение анализа духовной жизни древних обществ следует отметить, что Кареев, изучив работу О. Конта «Курс положительной философии», а также делая в свои работах отсылки к закону Конта о трёх стадиях умственного развития человечества [12], довольно критически относился к теориям учёных о том, что всемирную историю можно интерпретировать как процесс, который осуществляется по нескольким, ключевым, схожим законам. Суть закона Конта такова: интеллектуальное развитие человеческого общества неизбежно проходит через три различных теоретических стадии: теологическую, метафизическую и научную, исходя из того, как человечество познаёт мир на разных этапах своего развития, в трёх глобальных периодах мировой истории духа. Каждый из периодов характеризуется главенством особой познавательной практики мыслящего субъекта. Основываясь на приведённой теории, Н.И. Кареев, приходит к выводу, что древневосточные общества не поднялись в своём развитии выше теологического фазиса [7, с. 54]. В области духовной культуры эти народы пришли только лишь к созданию «великих религиозных систем», определявших социальную жизнь и приведших эти общества к непреложному внутреннему порядку, который неподвластен для людского вмешательства [там же]. Индийский браманизм с его кастовым делением, иранский маздеизм, формализовавший каждый шаг своего населения, религиозный строй Египта и Израиля – служат яркими примерами нахождения восточных цивилизаций на уровне теологического фазиса. Кареев указывает на колоссальное значение Древнего Востока как родины всех мировых религий в человеческой истории. Именно здесь зародились три мировые религии, впоследствии распространившиеся за пределы первоначально национального значения, выйдя из отдельных стран Востока. В истории религиозного синкретизма времен Римской империи особого внимания Кареева заслуживает проникновение восточных культов на Запад. Начавшись в Передней Азии ещё в очень древние времена, религиозный синкретизм завоевывает многие страны – Египет, Грецию, Италию, Галлию, конечно, с разной силой и далеко не с равномерным успехом. Кареев отмечает, что это было завоеванием греко-римского мира старыми религиями Востока, за которым шло подчинение этого мира новой религии, тоже пришедшей с Востока [6, с. 181]. Анализируя духовную составляющую древневосточной культуры, Кареев указывает на её взаимосвязь и с теми формами научных и технических знаний, плодами которых человечество пользовалось в XIX–XX вв. В пользу этого утверждения исследователем приводится общеизвестный факт: греческая цивилизация, как первопроходец в деле культурного прогресса, основы своих знаний заимствовала именно на Востоке. В частности, в Малой Азии и на Кипре, куда пришли греки в результате своих колониционных процессов, уже существовала культурная идентичность, ощущавшая на себе влияние Вавилона и Египта.

Обоснованно упоминая Египет в роли древнейшей цивилизованной державы, Кареев отмечает, насколько сильно могут влиять одни страны на культурное развитие других. Обширный перечень культурных новаторств этой страны приводится тому в подтверждение. Это и переход от идеографического письма (изображения предметов) к буквенному, и создание самой ранней письменности. Это вылилось в то, что египетский алфавит составил основу финикийского, который дал начало греческому и латинскому [7, с. 57]. Это и начало развития медицины, анатомии (в части бальзамирования), геометрии (в части земледелия), механики и архитектуры (возведение пирамид), астрономии (определение по годичным переменам звёздного неба времени разлития Нила), причём теоретические положения этих наук находились в зависимости от сакральной или мифологической составляющей.

Кареев в работе «Общий ход всемирной истории» даёт обширную характеристику Египту, культурная самобытность которого отразилась и на том, что после вхождения в 525 г. до н. э. в состав Персии, позже – в состав Македонской империи, затем находясь в зависимости от Греции и в 30 г. до н. э. войдя в состав Римской империи, он продолжал в культурном плане влиять на народы древности. Особенную историческую значимость Египта учёный отмечает в связи с тем, что в эпоху греческого и римского господства он стал регионом, где идеи Востока и Запада, соприкасаясь между собой, давали миру новые культурные формы [7]. Греко-римский период египетской истории был временем довольно сильного влияния его жреческих религиозных форм на жизнь народов этих стран. Кареев отмечает, что синтез культурных традиций разных миров даст человечеству религиозную философию – неоплатонизм, зародившуюся в первые века нашей эры, где греческая мысль оказалась подчинена восточному влиянию [там же]. В христианскую эпоху Египет стал родиной аскетизма и религиозных ересей. В то же время Александрия была одним из ключевых христианских центров, а её патриарх – главным духовным лицом на Востоке. Влияние на расшатывание устоев египетской самобытности оказали поочередно греческая цивилизация, а затем христианство. Единственным, в видении Кареева, фактором, свидетельствующем о наличии древнеегипетских идейных традиций, является устойчивое положение монофизитской ереси в последующие эпохи развития этой страны [там же, с. 58].

Развивая мысль о том, что история человечества представляет собой историю обособленных друг от друга народов, Кареев в работе «Главные обобщения всемирной истории» подкрепляет её тезисом о том, что различие в разной исторической судьбе народов зависит от трёх категорий причин. Первая из них – географическая среда, вторая – расовые различия между народами, третья – общий ход всемирной истории [4, с. 60].

Рассматривая древние общества сквозь призму властных отношений, необходимым атрибутом власти в восточном обществе Кареев называет деспотический строй, отмечая, что властная структура порождает разделение общества на классы и сословия. Это «сделалось одной из причин внутреннего бессилия общества» [7, с. 53].

Таким образом, противопоставление Кареевым Древнего Востока и Античных обществ в контексте политической власти таково – деспотизм, основанный на религиозном культе, – антитеза гражданскому обществу свободных людей Греции и Рима.

Что лежит в основе этого взгляда учёного? Как писал Н.И. Кареев, «народы Востока жили в деспотии. Египтяне поклонялись основателю своей монархии Менесу, как божеству, и после него цари называли себя сынами солнца... Цари ассирийские считались также божественного происхождения и пользовались неограниченной властью. Не иное было и политическое устройство Вавилона. Персидская монархия управлялась также деспотически. В понятие, которое ставил себе грек о варварах, входила не только культурная грубость, но и подчинение деспотическому правительству» [3, с. 32]. Таким образом, застой в умах большей части населения Востока, невозможность преобразовать общество на гуманистических началах, отсутствие выделения социальной прослойки, способной взять на себя роль предводителя в социальной модернизации Востока, и оттого вынужденность подчинения религиозному, антиправовому диктату правителей, согласно Карееву, есть не что иное, как варварское общество в греческом восприятии. Возможно, для большей чёткости в проведении границ между варварской и собственной, культурно развитой цивилизацией греки и римляне в своих исканиях оптимального для подданных типа государства пойдут намного дальше своих древневосточных предшественников. По словам Кареева, «в Греции и Риме государство устанавливает не единая особа деспота и не божественная воля, как в теократиях, а вся совокупность граждан» [7, с. 78]. Поэтому для него логичным итогом такого поиска выступит республиканская форма правления.

В античном обществе, в отличие от индийского, нет даже намёка на касты и принадлежность к ним по праву рождения, отсутствуют предпосылки для развития сословий воинов и жрецов, как в Египте, а также институт наследственного жречества, присущий культуре персидской державы, отсутствует как таковой. Определяет данный порядок вещей Кареев следующими положениями: «у грека и римлянина при всей их религиозности не было веры в божественное происхождение их политических учреждений, которая так прочно уживалась на Востоке рядом с деспотизмом царей. Государство их не создание богов, а дело рук человеческих, нечто такое, что, следовательно, и можно переделывать человеческими же руками» [там же].

Всеохватывающая сакрализация общественной жизни ставила под сомнение не только личную физическую, но и моральную, внутреннюю свободу, свободу мышления, представлений, миропонимания. Необходимы были методы обеспечения возможности мыслительной деятельности античного гражданина таким образом, чтобы создать альтернативу господствующему религиозному мировоззрению. Высвобождение сознания античного гражданина от сакрального элемента выражается в создании светской философии. «Мысль античного человека была свободна от догматизма сакральной традиции, застывшей в неизменной форме и охватившей

собой все подробности политической, социальной и частной жизни» [7, с. 79]. Система ценностей, оформившаяся в Античности, определяла светскость античной философии. Если на Востоке, по мысли Кареева, все сферы жизни были подчинены духовно-жреческому компоненту, то философия Античности не воспринималась божественным снисхождением на землю, это был продукт сугубо умственных исканий истины людьми. По этому же принципу римское право не было предписаниями человеку свыше, это был «писанный разум», создание римского народа, словом, это было светское право. По этим причинам христианство, возникшее на Востоке и утверждавшееся в Римской империи, было не понято её обществом, встречало там огромное сопротивление.

Именно поэтому полноценным завершением истории Античного мира Н.И. Кареев считает утверждение христианства.

Характеризуя политическую составляющую жизни восточных обществ, Кареев указывает на то, что «древние восточные государства все были деспотиями» [там же, с. 51], внутри которых имел место произвол власть имущих, подавление личной инициативы силой государственного принуждения. Таким образом, постоянно развивавшийся деспотизм и порабощение масс были главным препятствием для исторического прогресса и единственное, что было возможно противопоставить обществам древности деспотичной форме правления – стремление к автономии в границах своего историко-культурного ареала.

Кареев видит в прогрессе основную предпосылку сословного деления, присущую древневосточным обществам. «Выделение культурного класса из народной массы» [5, с. 49] было сопряжено с прогрессом культурной жизни общества. Прогресс стимулировал формирование класса управленцев, высших сословий. Ещё одним фактором, повлиявшим на полноценный процесс становления обществ Древнего Востока, согласно Н.И. Карееву, является развитие государственных институтов.

Политико-правовая характеристика обществ Древней Греции и Древнего Рима и их сакральный характер также обращают на себя внимание исследователя. Анализу правовых отношений уделено весьма существенное внимание в работе «Государство-город античного мира». Первыми специалистами в юридической науке в Риме были именно жрецы, которых ещё могли именовать понтификами [5, с. 51]. Первая известная попытка кодифицировать обычное право Рима была осуществлена в середине III в. до н. э. главным понтификом Тиберием Корунканием [там же]. Право было частью религии и ревностно охранялось понтификами от вмешательств непосвящённого социума. Кареев указывает, что сакральное право было до предела консервативно и отличалось крайне формалистским характером [5]. Так, наблюдается некое равновесие. С одной стороны, понтифики всеми силами поддерживали религиозный характер права, с другой – отстаивали и свои патрицианские интересы, так как по большей части принадлежали к высшему сословию. Обычное право давало гражданам понимание того, что существующий общественный порядок находится под защитой религии, в чём, по мысли Н.И. Кареева, и состоит связь религии с политикой и правом древ-

нейшего периода греческой и римской истории [5, с. 51]. Кареев, анализируя работу Фюстель де Куланжа «Гражданская община античного мира» [14; 17; 18], особенно заинтересовался, во-первых, религиозной стороной жизни родов, фратрий или курий, фил или триб, которые давали начало государствам-городам, а во-вторых, его привлекал вопрос аристократического характера первых религиозных культов, и религиозного характера царской власти городов-государств, до установления в них аристократических правлений [5, с. 53]. Говоря о закате древней античной истории, в общественном развитии которой наблюдалось прохождение ряда последовательных стадий (от выделения в составе городов фил, триб, фратрий, курий, сословной борьбы и подавляющей роли религии в жизни гражданских общин, от выделения плутократии и тимократии до становления гражданского сословного общества аристократов и пролетариев, выдвижения в качестве оптимальной формы государства федерации самоуправляющихся муниципиев, единой мировой державы, при которой, однако, города начнут приходить к упадку), Н.И. Кареев задаётся вопросом о новаторстве социальных форм средневековой Европы. Вопрос этот звучит следующим образом: «вырабатывала ли европейская жизнь свои формы из себя самой, или все в ней было одним лишь возрождением античных традиций». Безусловно, это пример дискуссионного вопроса, который даже в нынешних культурно-исторических условиях нуждается в тщательном анализе.

Возможно, не оставляя в стороне собственных либеральных воззрений, Кареев в работе «Государство-город античного мира» затрагивает и проблему личной свободы в Античности. Её можно свести к «вопросу о мере той независимости, которой гражданин пользуется по отношению к политическому целому, называемому государством, и о тех границах, в каких осуществляется принудительное властвование государства над свободными людьми» [5, с. 149]. Согласно Н.И. Карееву, в XIX в. складывается ситуация, когда античное понимание свободы как широкого участия во власти начинает противопоставляться пониманию свободы в Новое время как широкой личной независимости [5, с. 149]. В частности, данное положение основывалось на мнении видного французского теоретика либерализма Бенжамена Констана, который отстаивал идею о том, что в Новое время государства заменили народовластие народным представительством [11]. С подобным положением соглашается Кареев в работе «Происхождение современного народно-правового государства»: «...главным признаком гражданина свободного государства является... не участие во власти... а возможно наибольшей независимости от какой бы то ни было власти, обеспечиваемой... подчинением и самой власти праву» [9, с. 14].

Краеугольным камнем здесь будет являться понятие личной свободы, осознание её необходимости, когда в Новое время люди, для осознания себя счастливыми, «нуждаются только в полной независимости всего, что относится к сфере их деятельности, к их занятиям, предприятиям и фантазиям» [5, с. 149]. Схожую позицию в этом вопросе занимает и вышеупомянутый Фюстель де Куланж, уподобляющий безусловное господство общины над своими членами, власти церкви [14; 5, с. 150]. По мысли же Н.И.

Кареева, двумя основными источниками стеснения личности в государствах-городах были семейно-родовой (как в Риме) и государственно-военный (по образу внутреннего устройства Спарты) принципы [5, с. 153]. В сущности же, вопрос о трактовке Н.И. Кареевым, М.С. Куторгой, современными им историками влияния гражданской общины на своих представителей – тема, заслуживающая рассмотрения в отдельной статье. Ссылаясь на работу «Гражданская община» Фюстель де Куланжа, Кареев приводит его цитату о том, что «величайшим из всех заблуждений человеческих была мысль, будто в гражданских общинах древности человек наслаждался свободой. Он даже не имел о ней и понятия. Он не думал, чтобы могло существовать какое-нибудь право перед гражданской общиной и её богами» [там же, с. 150]. Далее приводится мысль о том, что даже имея политические права и доступ к архонству, человек поработщён государством. Кареев же склонен к намного более либеральным установкам, говоря о том, что в истории имеют место «два противоположных начала» [там же, с. 165] – консервативное – общественная традиция и прогрессивное – личная инициатива. Таким образом, именно сила индивидуальной мысли может проявить себя настолько, что произойдёт расшатывание старых устоев социальной жизни – ситуация, где прежние формы окажутся «не в состоянии задерживать свободное развитие личности» [там же]. Данный вопрос до сих пор является дискуссионным и вызывает горячие споры в научной среде, ярким примером чему являются статьи востоковедов И.М. Дьяконова и В.А. Якобсона «Гражданское общество в древности» [15], отрицающая рабовладельческий характер древнейших классовых обществ, предлагающая иной принцип их классификации и противопоставляющая общину государству и критическая по отношению к ней статья Т.П. Евсеенко [16], характеризующая существенные отличия ближневосточной и античной полисной общины, с её публично-правовым равноправием.

Признавая себя детерминистом, Кареев глубоко верит в действенность личного вмешательства в историю: роль личности в процессе последней определяется не одной ею, но многим другим, что её не составляет и от неё не зависит; и чем более личность определяется в своём поведении такими силами, тем свободнее её воля от рокового хода событий; эта воля самоопределяется, а не обуславливается тем, что делают другие личности [2, с. 140].

Многогранность содержащихся в богатейшем научном наследии Н.И. Кареева положений, обобщающих историю мировых цивилизаций, позволяет полагать, что проведенный им сопоставительный анализ Античности и Обществ Древнего Востока до сих пор не утратил своей актуальности. Идеи русского теоретика позволяют глубже понять и оценить истоки современной конфигурации взаимосвязи Востока и Запада в век глобализации.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа / пер. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992. 444 с.

2. Кареев Н. И. К вопросу о свободе воли с точки зрения исторического процесса // Вопросы философии и психологии. М., 1890. Год I, кн. 4. С. 113–142.
3. Кареев Н.И. Введение в курс истории Древнего мира. М.: Лепанд, 2016. 106 с.
4. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории: учеб. пособие для среднего образования. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 148 с.
5. Кареев Н.И. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 348 с.
6. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. Опыт политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 405 с.
7. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. Заокский: Источник жизни, 1993. 383 с.
8. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 456 с.
9. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 496 с.
10. Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 308 с.
11. Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм. М: РОССПЭН, 2000. 592 с.
12. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении/ пер. с франц. И.А. Шапиро. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
13. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Проблема монархической власти и ее организации в древних обществах в политико-историческом дискурсе Н.И. Кареева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 161–167.
14. Куланж Ф. де Гражданская община Древнего мира. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1906. 459 с.
15. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. №1. С.22–29.
16. Евсеенко Т.П. К вопросу о гражданской общине в древнем мире / Т. П. Евсеенко // Античная древность и Средние века. Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], 2003. Вып. 34: материалы XI Междунар. науч. Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 26–28 марта 2003 г.). С. 9–22.
17. Coulanges F. de. François Hartog, Le xix siècle et l'histoire. Le cas Fustel de Coulanges, Paris, Presses Universitaires de France, 1988. 411 p.

18. Coulanges F. de. Leçons à l'impératrice sur les origines de la civilisation française, Paris, Hachette, 1930. Publié par Pierre Fabre. 158 p.
19. Moret A. Du caractère religieux de la royauté pharaonique, 1902 (réimpr. Slatkine, 2007). Paris, Ernest Leroux, Editeur, 344 p.

**SOCIETIES OF THE ANCIENT EAST AND ANTIQUITY IN
PERSPECTIVE OF SOCIO-CULTURAL TYPOLOGY OF
N.I KAREEV**

D.S. Revenko

The article is focused on the views of N.I. Kareev (1850–1931), a prominent Russian philosopher of history who proposed a typology of the ancient East and Antiquity societies in view of the general social progress perspective and its constituent factors. Kareev's methodology applied for the study of spiritual culture, power relations, the role of personality in the history of ancient societies becomes the object of particular attention within its format.

Keywords: *N.I. Kareev, world history, social progress, the Ancient East, Antiquity, priesthood, Christianity, spiritual culture, philosophy, the role of personality.*

Об авторе:

РЕВЕНКО Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: drev_90@mail.ru.

Author information:

REVENKO Dmitri Sergeevich – Ph.D. student of Philosophy and Theory of Culture Dept., Tver State University, Tver. E-mail: drev_90@mail.ru.